

Когда Бай Цю исполнилось шесть лет, его отцы впервые взяли его с собой на банкет под открытым небом в центральном императорском городе.

Небо в тот день было пасмурным: тяжелые серо-черные облака, казалось, вот-вот прольются дождем, низко давя на острые шпили старинного замка.

Шумный ветер приносил ароматы травы и земли, вплетаясь в мелодичную и бодрую скрипичную музыку, раз за разом пробегая по золотисто-зеленому газону.

Там стоял двенадцатилетний юноша.

Влажный ветер разметал его черные, словно тушь, волосы, приподнял кружевные оборки на белой рубашке в винтажном английском стиле, запутался в широких полах, заправленных в облегающие черные брюки, а черные сапоги до колен лишь подчеркивали стройность его фигуры.

Он слегка вскинул подбородок и небрежно приподнял веки, явив миру пару голубовато-зеленых глаз разного цвета.

Синева — глубокая, как предрассветный мрак, зелень — густая, как хвоя кедров в затерянной долине. В сочетании с совершенными чертами лица юноша казался чьим-то искусным, ярким мазком кисти, оставленным самим божеством.

Малыш, тайком наблюдавший за всем этим из-за дерева, замер в изумлении и простоял так целых пять минут.

В свои нежные годы маленький Бай Цю еще не обладал богатым лексиконом, чтобы понять, что головокружение и странное оцепенение в сердце — это не что иное, как невыразимое и смутное чувство судьбы.

Он не осознавал, насколько велик статус юного наследника империи, он просто искренне считал этого старшего брата прекрасным и нежным.

Совсем как божество.

До тех пор, пока...

Этот прекрасный старший брат не избил до полусмерти нескольких сверстников, рискнувших вступить с ним в спор. Даже когда кто-то полоснул его по руке длинной раной, он, ни на миг не замешкавшись, вцепился в горло обидчику и с яростью швырнул его на землю.

Внутри у маленького Бай Цю что-то невидимое с треском разбилось.

— Вероятно, это был «фильтр красоты десятого уровня», который он сам же и наложил на этого красавца.

Как тот, кто выглядел нежным, словно божество, мог в одно мгновение стать таким пугающим...

Маленький Бай Цю, чье тело ещё напоминало пухлого карапуза, машинально обнял ствол дерева и погрузился в серьёзные раздумья, напоминая крошечную коалу.

— Хочешь пойти поиграть с этим братом?

Раздавшийся сзади низкий голос застал его врасплох. В следующую секунду маленький Си Бай Цю почувствовал, как завис в воздухе, и с озадаченным видом оказался в объятиях своего отца-Альфы — Си Юаня. Малыш невольно повернул голову и встретился взглядом с глубокими, темными глазами мужчины.

— Папа... — Бай Цю обхватил его шею маленькими белыми ручками, доверчиво прижался нежной щечкой к отцу и тихо прошептал: — Немного хочу, но... немного боязно.

— Почему боязно? — спросил Си Юань, глядя на сына.

— ...Красивый брат, когда злится, выглядит пугающе, — Бай Цю снова не удержался и посмотрел на юношу, стоящего неподалеку. Его голос звучал мягко: — Но он еще и поранился.

Говоря это, Бай Цю коснулся кармана, где лежал маленький пузырек с целебным спреем. Его положил туда другой отец-Омега, на случай, если малыш, играя в одиночестве, случайно ушибется.

Ему хотелось помочь красивому брату, рана на руке выглядела такой болезненной.

— Я... я боюсь, что он и меня ударит... — Бай Цю теребил золотую бахрому на плече черного военного мундира Си Юаня, пребывая в нерешительности.

— Не ударит, — мужчина тихо усмехнулся, и в его глазах тут же промелькнула балующая нежность, мгновенно развеявшая ауру властности. — Никто не посмеет обидеть нашего маленького ангела.

— У брата были свои причины применить силу, возможно, стоит подойти и спросить его об этом самому.

Маленький Бай Цю всегда безгранично доверял своим отцам. Раз отец так сказал — значит, так тому и быть, поэтому он послушно ответил:

— Хорошо-о.

Мужчина мягко опустил Бай Цю на газон, наклонился и, подтолкнув сына в спину, подбодрил:

— Иди, не бойся.

В это время сверстники, поверженные юношей, уже были в суматохе уведены своими родителями, дворецкими или помощниками. В одно мгновение на залитой зеленью мягкой лужайке остались лишь тот юноша и приближающийся к нему Бай Цю.

Цзин Ян небрежно вытирал носовым платком кровь, выступившую на руке. Он казался нечувствительным к боли, а его движения были исполнены грации и аристократизма.

Бай Цю, с другой стороны, все же немного робел, поэтому добирался до цели крадучись, по-собачьи. Юноша же, погруженный в свои мысли, совершенно не замечал приближающийся к нему «рисовый колобок».

Когда Бай Цю почти доковылял до него, он нечаянно споткнулся о что-то, скрытое в траве, и по инерции, подавшись вперед, машинально обнял юношу за голень.

В этот момент серо-черные тучи на небе немного поредели, и тонкие струи золотого солнечного света пробились сквозь облака. Подобно вспышкам расплавленного золота, они

образовали почти святой, эфемерный эффект Тиндаля.

Бай Цю был одет в темно-синие шорты до колен на подтяжках и белоснежную рубашку с кружевным воротником. Он задрал голову, демонстрируя длинные пушистые ресницы и черные, как смоль, влажные глаза. Весь этот белокожий и мягкий малыш робко позвал:

— ...Здравствуй, брат.

Цзин Ян опустил взгляд, отозвался сухим «м-м», а затем огляделся и заметил маршала Си Юаня, стоявшего в тени дерева.

Высокий Альфа склонил голову в знак приветствия, и Цзин Ян медленно кивнул ему в ответ.

— Пш-ш...

Из-за огромной разницы в росте Бай Цю, достававший юноше лишь до колен, не стал долго колебаться. Он изо всех сил встал на цыпочки и тщательно оросил рану на руке прохладным лечебным спреем.

Цзин Ян помолчал мгновение, а затем опустился на траву.

— Это очень полезно, если побрызгать, скоро перестанет болеть, — Бай Цю, наблюдая за тем, как рана быстро затягивается, был преисполнен чувства выполненного долга.

Цзин Ян смотрел на крошечную голову, которая неосознанно придвинулась почти к его груди, и на маленькие ручки, ухватившиеся за его запястье. Ему показалось, что этот малыш совсем не похож на других детей — он был мягким, как вата, и пах молоком, словно нежная, сладкая конфета.

Цзин Ян поднял свободную руку, подцепил Бай Цю за воротник и слегка отстранил его.

— Брат...? — Бай Цю явно растерялся. С самого детства он любил «приклеиваться» к окружающим, а особенно — нежиться в объятиях своих отцов; когда его окружали феромоны старших, он чувствовал себя комфортно и в безопасности.

Цзин Ян отпустил его, но, увидев, что Бай Цю снова норовит прильнуть ближе, прямо уперся указательным пальцем ему в переносицу и, опустив взгляд, негромко произнес:

— Как тебя зовут?

— Сяо... Сяо Бай Цю, — машинально ответил малыш своим уменьшительным именем, а затем добавил мягким голосом: — А еще меня называют Гуай Бао.

Цзин Ян впервые понял, что такое «мило» и «очаровательно».

— А как зовут брата? — спросил милый Бай Цю.

— Цзин Ян, — невозмутимо ответил юноша.

Бай Цю немного подумал и решительно произнес:

— Брат Сяо Ян.

Цзин Ян: «...»

Цзин Ян:

— Или, может, просто назовешь меня «брат»?

Бай Цю по-детски послушно кивнул:

— Хорошо-о.

— Брат, почему ты только что подрался с ними? — Бай Цю, которого только что отодвинули, не выдержал и снова приклеился к нему, а под конец и вовсе уселся между разведенных ног Цзин Яна. Он поднял личико и задал этот вопрос прямо в лоб.

— Они намеренно испортили вещь, которую я мастерил. Это заслуженная плата, — Цзин Ян не стал снова отстранять его и поднял с травы справа деревянную куклу, у которой не было головы и руки.

— Тогда они точно бяки, — прошептал Бай Цю. Его взгляд следил за руками Цзин Яна: он не моргая смотрел, как под ловкими пальцами юноши покалеченная кукла постепенно восстанавливается.

Однако ремонт был долгим процессом, а дети быстро утомляются. Вскоре Бай Цю, наблюдая за работой, сладко зевнул и прислонился мягкой щечкой к груди юноши.

Когда Цзин Ян закончил починку, он обнаружил, что Бай Цю крепко спит, прижавшись к нему, словно теплый маленький котенок. Юноша поднял глаза на лес неподалеку и увидел, что Си Юаня там уже нет.

Тогда Цзин Ян открыл на запястье голографический интерфейс и отправил Си Юаню сообщение: «Он уснул».

Вскоре пришел ответ: «Прошу вас, присмотрите за ним немного, мы пока не можем освободиться».

Цзин Ян: «М-м».

Прочитав ответ, Цзин Ян опустил ресницы. Глядя на малыша в своих объятиях, он с непонятым выражением лица ткнул указательным пальцем в пухлую щечку Бай Цю.

— Такой мягкий.

— Как рисовое пирожное.

Вскоре Цзин Ян поправил позу спящего «рисового пирожного», взял у дворецкого Хань Шу мягкое одеяльце и укрыл им ребенка.

Неизвестно почему, но Бай Цю проспал крайне сладко, даже не видя снов. Когда он проснулся, банкет уже закончился, и он оказался на руках у своего отца-Омеги Юнь Шуюэ, возвращаясь домой под светом звезд.

— Папочка... — сонно позвал Бай Цю, потираясь щекой о приятно пахнущую шею Юнь Шуюэ.

— Проснулся? — мягко спросил Юнь Шуюэ.

— Угу, — малыш одарил его улыбкой, от которой сердце таяло.

Но уже через секунду кроха, обхватив шею Юнь Шуюэ, начал оглядываться по сторонам, словно кого-то искал.

— Кого ищешь? — идущий рядом Си Юань погладил Бай Цю по черным пушистым волосам и спросил низким голосом.

— Брат... я еще не попрощался с красивым братом... — Бай Цю закусил губу и пробормотал.

— Ничего страшного, в следующий раз обязательно увидимся, — Омега тихо рассмеялся, поцеловал малыша в лоб и ласково погладил его по спине.

От переводчика:

<http://bllate.org/book/17726/1657156>